

Роберт Хауэл

КАНТОВСКИЕ ПРЕДМЕТЫ:
ПРОБЛЕМЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы, вытекающие из кантовской теории познания: проблема Мура, проблема противоречивых предикатов и проблема ноуменальных пространственно-временных форм. Автором предлагается новая интерпретация этого круга проблем в рамках модифицированной теории являющегося. Данный подход позволяет избежать противоречий, сохраняя при этом основные положения трансцендентального идеализма.

In diesem Beitrag werden einige Probleme, die aus der Kantschen Erkenntnistheorie hervorgehen, und zwar: das Problem von Moore, das Problem der widersprüchlichen Prädikate und das Problem der noumenalen Raum-Zeit-Formen erörtert. Der Autor schlägt eine neue Interpretation dieses Problemkreises in Rahmen der modifizierten Theorie des Erscheinenden vor. Eine solche Betrachtungsweise erlaubt es, gewisse Widersprüche zu vermeiden, ohne dabei die Grundlagen des transzendenten Idealismus zu beeinträchtigen.

Трудно переоценить значение кантовских воззрений на предметы² эмпирического познания: явления, или *Erscheinungen*. Но, несмотря на это, критики с самого начала утверждали, что многие кантовские идеи — например, относительно вещи в себе — могут быть подвергнуты сомнениям, в свете которых они окажутся несостоятельными в форме, предложенной Кантом. Поэтому может возникнуть вопрос, существует ли непротиворечивая, основанная на текстах интерпретация этих идей, которая бы учитывала кантовскую приверженность трансцендентальному идеализму и была бы одновременно сама по себе философски приемлемой. Ответ на этот вопрос, конечно, зависит отчасти от

¹ Перевод с английского А. В. Брюшкиной.

² В англоязычной философии эквивалентом двух фундаментально важных кантовских терминов «Objekt» («объект») и «Gegenstand» («предмет») обычно выступает один термин — «object» (и лишь изредка используются сами немецкие термины). При переводе настоящей статьи в зависимости от контекста использовались оба русских эквивалента. — *Примеч. пер.*

субъективного восприятия кантовского идеализма. В этой статье мы сосредоточимся на традиционном, метафизическом воззрении на явления. Проанализируем, до какой степени эти воззрения можно защитить от критики, касающейся трех проблем, отличных от проблемы вещи в себе, но и, вероятно, не менее фундаментальных. Мы утверждаем, что, несмотря на возникающие в дальнейшем противоречия, их в этих трех проблемах можно избежать. Далее, обрисуем кантовские идеи по поводу познания, после чего вновь вернемся к упомянутым трем проблемам. В заключение мы отметим философский и экзегетический интерес полученных результатов.

I. Кантовские воззрения на познание: краткий обзор

Как известно, в первой «Критике» Кант утверждает, что эмпирическое познание происходит посредством ментальных представлений (*Vorstellungen*). Объект, существующий в себе, воздействует на нашу чувственность, вызывая определенные ощущения в мозге. Эти ощущения, в свою очередь, содержат созерцания (*Anschauung*), представления, которые отражают для разума единичный, индивидуальный предмет — например, одно определенное дерево³. Это определенное дерево есть предмет нашего эмпирического познания. Тем не менее для того, чтобы познать, мы должны воспринять его как элемент некоторого общего класса, или вида, что совершается через применение к предмету при помощи созерцания понятия (*Begriff*), общего представления, которое сообщает разуму общее свойство (например, бытия деревом), принадлежащее всем предметам, на которые оно распространяется.

В таком виде кантовские взгляды в общих чертах вписываются в репрезентационистские воззрения, которые он разделяет со своими предшественниками-рационалистами и эмпириками. Но он вносит два фундаментальных изменения в эти воззрения. (I) Он утверждает в «Трансцендентальной эстетике», что все предметы нашего познания являются пространственно-временными и как таковые зависимы от априорных синтетических истин геометрии способом, возможным только при условии, что предметы «подчиняются нашему познанию» (*die Gegenstände müssen sich nach unserem Erkenntnis richten*) (Bxvi)⁴. Следовательно, делает вывод Кант, эти предметы, а также само время и пространство зависимы от познания. Пространство и время являются лишь формами нашего внешнего и внутреннего восприятия соответственно. Кроме того, предметы нашего познания существуют в известных нам пространственно-временных формах только в том случае, если они представляются таковыми посредством созерцаний. Результатом чего являются кантовский эмпирический реализм и трансцендентальный идеализм в воззрениях на пространство-время и явления.

Пространство и время эмпирически реальны, потому что они действительно относятся ко всем предметам, которые мы можем познать, и структурируют их. Схожим образом явления в пространстве и времени эмпирически реальны, потому что они в действительности являются предметами, о которых мы знаем посредством чувственности и созерцаний, что они имеют про-

³ Здесь и далее мы придерживаемся краткого изложения. Более подробно см.: [6, ch. 1—2].

⁴ Нами был использован перевод «Критики чистого разума» Гайера-Вуда с соответствующими ссылками на страницы первого и второго издания в форме A-/B-.

странственно-временные свойства, которые приписываются им нашими созерцаниями⁵. Тем не менее пространство, время и явления трансцендентально идеальны, потому что пространство и время — лишь формы нашей чувственности. Ни они, ни пространственно-временные свойства явлений не принадлежат объектам, поскольку объекты существуют сами по себе, вне зависимости от их представления посредством созерцаний. Сами объекты в известных нам пространственно-временных формах тем же образом являются идеальными⁶.

(II) В трансцендентальной аналитике Кант вносит второе фундаментальное изменение в представленные выше идеи. Он утверждает, что поскольку применение понятий к предметам в процессе познания включает в себя суждение на любой предмет, который мы можем познать как явление, на любой такого рода предмет распространяются категории рассудка. Кроме того, хотя мы можем использовать категории для размышлений по поводу вещей в себе, посредством самих категорий мы познаем объекты только такими, какими они представляются нам, а не объекты в себе. Эти утверждения очень важны для теории Канта в целом, но не столь значительны для целей этой работы. Поэтому мы позволим себе отдельно изложить их ниже⁷.

II. Три проблемы явлений

Мы кратко обрисовали кантовские идеи по поводу познания, используя его же терминологию. Это краткое изложение относится к интерпретации, в которой Кант предстает репрезентационистом (как его предшественники-рационалисты и эмпирики), который, принимая (I), различает, подобно Декарту, формальную и объективную реальность объектов, представляющих интерес для нашего познания⁸.

Таким образом, Кант предполагает, что существует (а) группа объектов, чье существование и свойства не зависят от когнитивной обработки и не доступны нам посредством наших представлений (и особенно наших эмпирических созерцаний). Также существует (b) группа объектов, включающая в себя объекты до той степени, до которой они представлены нам, то есть группа объектов, являющихся содержанием наших представлений (особенно созерцаний), или, как говорят сегодня, интенциональных объектов этих представлений. Кант отождествляет явления, то есть предметы нашего познания, с объектами группы (b), а именно с такими содержаниями интенциональных объектов. Он отождествляет вещи в себе с объектами группы (a), то есть теми, чье существование и свойства не зависят от познания. Следовательно, формулируя (I), Кант, в сущности, утверждает, что пространственно-временные признаки принадлежат объектам, которые мы познаем, т. е. группе (a) интенциональных объектов наших созерцаний. Но они не принадлежат группе (b)

⁵ A38/B55: форма «действительно и необходимо принадлежит представлению данного предмета» (*die Form... der Erscheinung dieses Gegenstandes wirklich und notwendig zukommt*); см. также, например: A27—28/B43—44; A35—36/B52—53; B69; B69—70, сноска; A369; A370—71; A27—28/B44: «реальность... пространства относительно всего, что может предстать перед нами вовне в виде предмета» (*die Realitat... des Raumes in Ansehung alles dessen, was äußerlich als Gegenstand uns vorkommen kann*); A35—36/B52—53 о времени.

⁶ См.: A36/B52, A42/B59, A43/B60 и подобные тексты.

⁷ О категориях см. [6], особенно гл. 3 и 10.

⁸ См.: «Третье размышление» и «Возражения и ответы», часть первая, третий абзац; «Возражения и ответы», часть вторая, третья дефиниция. Локк, «Эссе», IV.4.8 и 11.3, II.8.23. Уилфрид Селларс еще ранее указывал на связь с Декартом.

независимых от познания сущностей, и мы в действительности не можем познать эти сущности.

Эти идеи Канта являются, по большому счету, разновидностью традиционного метафизического прочтения первой «Критики», принятого в его время. Оно также сходится, по крайней мере в основных пунктах, с интерпретациями, предложенными современными учеными от П. Ф. Стросона, Селларса и Дж. Беннетта до П. Гайера, К. Америкса, Р. Акилы, Дж. ван Клива, автора статьи и др.⁹ Этому подходу можно противопоставить два других прочтения, уже ставших известными в англоязычной кантоведческой литературе (которой мы уделим особое внимание). Первое — это метафизическая интерпретация Р. Лэнгтона, в рамках которой различие между явлениями и вещами в себе трактуется как различие между, упрощенно говоря, реляционными свойствами объектов (которые мы познаем посредством действия самого объекта) и их внутренними, нереляционными свойствами (которые для нас полностью недоступны). Второе такое прочтение — неметафизическая, эпистемологическая интерпретация Г. Эллисона, в рамках которой различие между явлением и вещью в себе трактуется как различие между объектами познания, воспринимаемыми как удовлетворяющие априорным, необходимым условиям познания (таким, как существование во времени и пространстве), и теми же объектами «в себе», абстрагированными от этих условий¹⁰. Идеи Лэнгтона и Эллисона значимы, но мы считаем, что ни одна из их интерпретаций не охватывает в полной мере действительную позицию Канта, обрисованную в первой «Критике». Поэтому ниже мы уделим особое внимание подходу с признанием интенциональных объектов, поскольку он очень весом и, как нам кажется, отражает кантовскую точку зрения. В связи с этим важно увидеть, не затронут ли его те три проблемы, к которым мы собираемся обратиться далее.

Как мы утверждали ранее, с точки зрения подхода интенциональных объектов Кант определяет объекты познания двумя разными, несовместимыми способами. Первое определение приводит нас к первой из упомянутых проблем, второе — к оставшимся двум.

(i) Кант определяет объекты, которые мы познаем как сущности, которые являющиеся (*erscheinen*) нам посредством созерцаний в известных нам про-

---

⁹ Некоторые детали роятся. Не все упомянутые авторы обращаются к понятию интенционального объекта (среди прочих это особенно подчеркивает Акила). Но эти авторы согласны, в широком смысле, по поводу онтологической зависимости явлений в их существовании и пространственно-временных свойствах от познания. Утверждение этой зависимости в терминологии интенциональных объектов помогает определить метафизический подход, о котором идет речь в данной статье. При дальнейшем обсуждении мы должны отметить различия во взглядах данных авторов, а также далее затронуть понятие интенционального объекта. Более подробно (в том числе о неполноте таких объектов) см. [5, p. 349, note 30]. В своей актуальной работе «Problems from Kant» [14] ван Клив предлагает интерпретацию посредством интенциональных объектов. Но он воспринимает эти объекты как «виртуальные» — в том смысле, что он лишает их действительного существования и свойств. См. [6, p. 115—36].

¹⁰ См. [11; 2]. Интерпретации, подобные предложенной Лэнгтоном, встречаются также у ван Клива, Америкса и других. Америкс отмечает, что имеется несоответствие между трактовкой Лэнгтона и собственной позицией Канта [3, ch. 5]. Многие критики, включая Америкса, Гайера, автора статьи и К. Вестфала, ставят под вопрос экзегетическую точность интерпретации Эллисона. Надеемся в дальнейшем также коснуться работ Лэнгтона и Эллисона.

странственно-временных формах. Этот подход приводит к теории явлений объектов познания¹¹. Форма, в которой существует объект в себе, не является пространственно-временной, такой объект непознаваем. Этот же самый объект является нам посредством созерцания. Это собственное явление самого объекта, а не его представление, познаваемое разумом. Поэтому Кант пишет о «различии между вещами как предметами и теми же вещами как вещами в себе» (*die Unterscheidung der Dinge als Gegenstände der Erfahrung, von eben denselben, als Dingen an sich selbst*) (Вххvii; здесь и далее подчеркивания выполнены автором статьи) и утверждает, что «вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, как мы их созерцаем» [*daß die Dinge, die wir anschauen, nicht das an sich selbst sind, wofür wir sie anschauen*] (A42/B59) и что «сознание созерцает себя [во внутреннем чувстве]... таким, каким оно себе является, а не таким, какое оно есть [само по себе]» (*es... sich selbst anschaut ... wie es sich erscheint, nicht wie es ist*) (B69; также см.: *Пролегомены*, §13, примеч. I, 4: 290).

(ii) Кант определяет познаваемые нами объекты как явления (*Erscheinungen*), употребляя этот термин не просто как родовое понятие для объекта познания, но и в контексте особой трактовки познания. Согласно этой трактовке объекты в себе, существующие вне пространственно-временных форм, порождают в уме представления, а именно созерцания этих объектов. И именно эти представления, явления воздействующих на ум объектов являются познаваемыми предметами¹². Например, Кант утверждает, что мы должны «принимать эмпирическое созерцание [и предмет познания]... лишь за явление ... в котором нет ничего, что относилось бы к чему-либо самому по себе» (это должен быть тот случай, в котором *man... sieht jene empirische Anschauung... als bloße Erscheinung an, so daß darin gar nichts, was irgendeine Sache an sich selbst angehe, anzutreffen ist*) (A45/B62); что внешний предмет представляет собой «явление, то есть простое представление сознания, соответствующее неизвестному предмету [в себе]» (*Erscheinung, d. i. bloße Vorstellung des Gemüts, der ein unbekannter Gegenstand entspricht*) (A391); и что «явления... не существуют сами по себе, но только относительно [субъекта], поскольку тот имеет чувства. ... Явления суть только представления существующих вещей, не содержащие познания того, каковы они сами по себе» (*Erscheinungen nicht an sich existieren, sondern nur relativ auf dasselbe Wesen, sofern es Sinne hat.... Allein Erscheinungen sind nur Vorstellungen von Dingen die, nach dem, was sie an sich sein mögen, unerkant da sind*) (B164).

Кант употребляет то одно, то другое описание так, что можно предположить, будто он их отождествляет или же считает необязательным различать.

¹¹ Г.А. Причард противопоставил являющееся и явление в [13]. Р. Чизхолм позже подчеркнул это различие в общем в эпистемологии. А еще позже С. Бейкер принял попытку трактовать Канта в эпистемологической терминологии, как и автор статьи в [6]. Эта трактовка часто критикуется, но нам кажется, что нижеизложенное говорит о том, что она верна.

¹² С этой точки зрения, как и с точки зрения классических теорий восприятия, интенциональный объект представления отождествляется с самим представлением, точно так же, как Беркли отождествляет эмпирические объекты с наборами идей. Обратите внимание и на «Ответы» Декарта, часть первая, второй абзац, где делается шаг в сторону теории явлений («идея — это вещь, которая мыслится, как если она имеет объективное существование в уме... идея солнца — это солнце, существующее в уме» — обратите внимание на дальнейшее развитие этой мысли), а также вторую часть, дефиницию третью, где делается шаг в сторону теорий являющегося (объективной реальностью идей называется «бытие вещи, представленной идеей, поскольку она существует как идея») [4, р. 74, 113].

Иногда это происходит в пределах одного предложения¹³. Эти теории, тем не менее, несовместимы, поскольку теория являющегося (*appearing theory*) отождествляет предмет познания с сущностью, являющейся посредством созерцания и существующей в себе, в то время как теория явления (*appearance theory*) отождествляет этот предмет с самим (синтезированным) созерцанием¹⁴. Как мы теперь видим, обе эти теории ведут к существенным противоречиям в свете основных положений трансцендентального идеализма¹⁵.

(А) Противоречие теории явления: проблема Мура (см. [14, ch. 9]). Если предметы познания — это явления, созерцания в уме, то созерцания имеют пространственно-временные свойства. Но созерцания, посредством которых мы познаем объекты, принадлежат разуму, существующему в себе, разуму, который синтезирует эти созерцания и познает с их помощью объекты. Поэтому такие созерцания существуют в себе и имеют пространственно-временные свойства. Но подобный вывод противоречит кантовским трансцендентально-идеалистическим взглядам, что ничто, существующее в себе, не существует во времени и пространстве.

(В) Два противоречия теории являющегося (В.1): проблема ноуменальных пространственно-временных форм явлений. Предположим, я знаю, что дом передо мной прямоугольный. В таком случае мое знание (*state of knowledge*) несомненно существует в себе. (В ноуменальном разуме это знание порождает именно результат ноуменальной деятельности синтеза, а также воздействие объекта в себе на ноуменальный разум.) Тем не менее знание фактивно: если я знаю, что дом прямоугольный, тогда прямоугольность дома является фактом. Поскольку знание существует в себе, то в себе существует и факт прямо-

¹³ Поэтому A27/B43 Кант начинает с изложения условий существования явлений. А в конце он говорит о том, что пространство (одно из таких условий) «охватывает все внешние являющиеся нам вещи» (*daß der Raum alle Dinge befasse, die uns äußerlich erscheinen mögen*). А также пишет о «явлении, которое всегда имеет две стороны, с одной объект рассматривается сам по себе (независимо от способа его восприятия, в силу чего его свойства остаются проблематическими), с другой рассматривается форма восприятия этого объекта, которая ... имеет источник в субъекте, которому объект является» (*Erscheinung... welche jederzeit zwei Seiten hat, die eine, da das Objekt an sich selbst betrachtet wird, (unangesehen der Art, dasselbe anzuschauen, dessen Beschaffenheit aber eben darum jederzeit problematisch bleibt,) die andere, da auf die Form der Anschauung dieses Gegenstandes gesehen wird, welche nicht in dem Gegenstande an sich selbst, sondern im Subjekte, dem derselbe erscheint, gesucht werden muß*) (A38/B55).

¹⁴ Проведем параллель с такой ситуацией: ваша подруга Алиса присылает фотографию, где она изображена верхом на верблюде. Согласно appearing теории то, что вы узнаете, глядя на фотографию, это человек, изображенный на фотографии, в той форме, которую он принимает, поскольку таким является. Поэтому объектом познания является сама Алиса, принимающая на фотографии форму человека верхом на верблюде. Согласно appearance теории то, что вы узнаете, это не сама Алиса, а фотография, которую она вам прислала.

¹⁵ Многие подобные противоречия неоднократно описывались философами начиная с Г. А. Причарда и Дж. Э. Мура в начале прошлого века. Здесь мы отбираем ключевые вопросы, которые, по нашему мнению, касаются самой сути кантовских воззрений. Если ответить на них, то решатся и сопряженные проблемы. В противном же случае кантовские идеи по поводу объекта познания окажутся несостоятельными, по крайней мере, в прочтении, базирующемся на интенциональных объектах. В [6, ch. 2] мы изложили с некоторыми дополнениями проблему, сходную с нижеприведенной (А; В.1; В.2). Настоящая система изложения и некоторые пометы представлены впервые.

утольности дома¹⁶. Отсюда в мире вещей в себе, ноуменальном мире, то, что нечто прямоугольно, является фактом.

Если этот вывод еще не противоречит утверждению Канта о том, что вещи в себе не имеют пространственно-временных форм, обратите внимание на то, что согласно теории являющегося объект познания (скажем, O_1) тождественен объекту (скажем, O_2), существующему в себе и представляющемуся нам в процессе познания. Таким образом, в ноуменальном мире факт, что O_1 прямоугольен, является фактом, относящимся и к объекту, идентичному O_2 , и объект O_2 существует в себе в ноуменальном мире. Следовательно, (а) O_2 существует в ноуменальном мире и в ноуменальном мире истинно то, что: (b) O_1 прямоугольен и (с) $O_1 = O_2$. Из (а), (b) и (с) тем не менее, следует, что в ноуменальном мире существует нечто, а именно O_2 , что является прямоугольным. Этот вывод противоречит утверждению Канта о том, что вещи в себе не имеют пространственно-временных форм.

Второе противоречие теории являющегося. (В.2): проблема противоречивых предикатов. Как одна и та же вещь, существующая в себе и представляющаяся нам в процессе познания, может иметь пространственно-временную форму (поскольку она представляется в ней) и не иметь этой формы (поскольку существует в себе)? Это явное противоречие, должно быть, беспокоило многих читателей. В своей прекрасной недавно выпущенной книге Дж. Ван Клив утверждает, что арреаринг теория в действительности не может избежать этого противоречия¹⁷. Он отмечает, что иногда мы можем избежать этих противоречий путем модифицирующих фраз. Но, утверждает он, существуют только четыре случая, в которых модификаторы «как оно представляется» и «поскольку оно существует в себе» могут выявить это противоречие. И ни в одном из данных случаев этого не происходит.

(1) Здание может быть прямоугольным на уровне одного этажа и круглым на уровне другого. Таким образом, мы избегаем противоречия посредством «разделения субъекта»: разные сущности (разные части здания) имеют взаимно противоречивые свойства. Но согласно теории являющегося объект, существующий в себе, и объект, представляющийся посредством созерцаний, являются одной и той же сущностью, которая одновременно прямоугольна и не прямоугольна (и к тому же вообще не имеет пространственно-временной формы). (2) Смит, может быть, не виновен согласно одной газете и виновен согласно другой. В таком случае одна из газет искажает факты. Но по теории Канта истинно то, что дом (так, как он представляется) имеет пространственно-временную форму. А также истинно и то, что этот дом (так, как он существует в себе) не имеет пространственно-временной формы¹⁸. Для Канта ни

¹⁶ Поскольку фактивность необходима для того, чтобы состояние разума могло считаться знанием, то это имплицитно, что, если я знаю, что дом прямоугольный, то этот дом прямоугольен для любого из возможных миров. Это верно для ноуменального мира. Тем не менее, если мое знание ноуменально, утверждение, что я знаю, что кружка круглая, истинно в ноуменальном мире. Отсюда утверждение, что чашка круглая, истинно в том же мире.

¹⁷ См. [15, р. 143—50, р. 246—48] — критика интерпретации Эллисона «для одного мира». Мы уже привели выше его аргументы в пользу теории являющегося. Как отмечает ван Клив, (1—3) из нижеизложенного выводится из [12, р. 198 ff]. Для (4) см. [15, р. 246—48].

¹⁸ Кант не предполагает, что дом просто представляется нам прямоугольным. Как мы это знаем, дом прямоугольен. См., например: В69, В69—70 (сноска) и [6, р. 42, 47]. Эллисон также подчеркивает это.

одна из этих характеристик не является ошибочной. (3) Некто может быть одновременно высоким (относительно одного предмета) и невысоким (относительно другого). Тем не менее ван Клив утверждает, что пространственные свойства, например прямоугольность, являются внутренне присущими свойствами их носителей (упрощенно говоря, свойствами, которые их носители имеют вне зависимости от каких-либо их отношений к другим предметам). Они не являются теми свойствами, принадлежность которых к их носителям зависит от отношений носителей к другим сущностям¹⁹. (4) Иногда мы имеем не единичный объект с противоречивыми свойствами, а протяженное во времени изменение, претерпеваемое индивидом: Джейн была низкой, а теперь она высокая. Ван Клив утверждает, тем не менее, что не существует временной аналогии, которая бы спасла теорию являющегося от очевидного противоречия, изложенного выше.

Перед тем как перейти к рассмотрению того, как кантовские взгляды на познание могут избежать этих трех проблем, мы должны отметить, что, пока все эти проблемы частично затрагивают кантовские утверждения о вещах в себе, они отличаются от знаменитых противоречий вещи в себе и в чем-то более фундаментальны. Эти противоречия касаются того, что кантовские воззрения на познание подтверждают существование вещей в себе и говорят многое об их роли в познании. Тем не менее эти воззрения, которые призваны объять познание второго порядка о природе априорного знания, сами же утверждают непознаваемость вещей в себе²⁰. Почему же тогда кантовские воззрения несостоятельны? Если три упомянутые проблемы нельзя разрешить, они окажутся гораздо глубже этого противоречия. Эти проблемы подразумевают, что в интерпретации Канта с обращением к интенциональным объектам само кантовское определение объекта познания оказывается противоречивым в свете основных положений трансцендентального идеализма. Если это определение противоречиво, кантовские воззрения на познание окажутся под угрозой несостоятельности, даже если удастся доказать, что утверждения о вещах в себе не нарушают кантовских ограничений, налагаемых человеческим познанием на явления.

III. Существует ли решение трех проблем?

Один из способов решить упомянутые проблемы, а также избежать противоречия вещи в себе — просто отказаться от кантовского центрального трансцендентно-идеалистического тезиса о том, что вещи в себе не имеют пространственно-временных форм и непознаваемы, поскольку этот тезис ин-

¹⁹ Подробнее о значении «внутреннего» см. [15, р. 147—49, 150—55] и работы Лэнгтона. Ван Клив рассматривает лейбнизианский ответ Эллисона и определяет следующие проблемы для (3). Мы думаем, что можно привести большее количество аргументов в пользу (3), чем это делает ван Клив, тем не менее мы согласны, что в результате (3) оказывается несостоятельным. (3) также выходит за рамки прочтения Канта с обращением к интенциональным объектам. (Согласно (3) объект, имеющий пространственные свойства, не обязательно зависит от того, является ли объект интенциональным объектом некоего представления.) Поэтому мы опускаем более детальное рассмотрение (3).

²⁰ Частично это противоречие заключается в том, что Кант, подразумевая, что категории не применимы к вещам в себе в процессе познания, также описывает вещи в себе с явным применением категорий. Современное оправдание вещей в себе см. [1, р. 801—25; 15, р. 138—43].

терпретируется в соответствии с изложенным выше прочтением Канта. Отказ от данного тезиса (по крайней мере, в этой интерпретации) имеет множество философских преимуществ, особенно если интерпретатор считает кантовские аргументы в защиту трансцендентального идеализма несостоятельными²¹. Как указано выше, нашей целью тем не менее является определение того, насколько кантовские воззрения на объект познания могут избежать этих проблем философски приемлемым способом в свете основных положений трансцендентального идеализма. Может ли теория явлений, или являющегося, в прочтении с привлечением интенциональных объектов избежать этих проблем?

Кажется очевидным, что положительный ответ на любой из этих вопросов лежит в области теории являющегося. Поскольку она проводит различие между познаваемым объектом, явлением, и объектом, существующем в себе и порождающим эти явления в уме. На теорию явления, конечно же, не распространяются проблемы ноуменальных пространственно-временных форм и противоречивых предикатов. Но теория явления прямо нацелена на отождествление предмета познания с (синтезированным) созерцанием, посредством которого познается объект. При учете этого отождествления и того, что созерцание существует в себе, на теорию явления должна распространяться проблема Мура. Поэтому в рамках данной теории невозможно достигнуть поставленной цели и далее мы должны сконцентрироваться на теории являющегося.

Поскольку теория являющегося не отождествляет познаваемый предмет с созерцанием, посредством которого он познается, она избегает проблемы Мура. Сложные проблемы, затрагивающие многие вопросы, возникают при рассмотрении того, может ли теория являющегося избежать и проблем ноуменальных пространственно-временных форм и противоречивых предикатов. Нам кажется возможным тем не менее привести веские доводы в пользу мнения, что эта теория может избежать обоих противоречий в рамках трансцендентального идеализма.

Давайте начнем с рассмотрения проблемы противоречивых предикатов. Ван Клив показывает, что теория являющегося не может предоставить решения этой проблемы посредством модификаторов «как оно представляется» и «поскольку оно существует в себе» и разделения субъекта изложенным выше способом (1). Он также определяет множество противоречий, возникающих при попытке решить эту проблему способом (3) (относительное рассмотрение пространственно-временных форм)²². Тем не менее было бы неверным предположить в связи с (4), что никакое употребление грамматических времен по аналогии не может спасти теорию являющегося от проблемы противоречивых предикатов. По собственному наблюдению ван Клива, утверждения с использованием разных грамматических времен могут быть поняты как операторы, присоединенные к утверждениям в настоящем времени («Джейн была невысокая» анализируется, например, как «когда-то было верным, что Джейн невысокая»)²³. В таком понимании утверждения с несколькими грамматическими временами подобны утверждениям из газет (2). И все же утвержде-

²¹ Кантовские аргументы в защиту трансцендентального идеализма критиковались многими авторами, в том числе Стросоном, Беннетом, Гайером, ван Кливом и автором статьи.

²² См. сноску 18.

²³ См. [15, р. 248]. Этот анализ опирается на работы А. Н. Прайора. Мы используем его и для независимо от Канта его успешности в случае грамматического времени.

ния с разными грамматическими временами не порождают противоречий. Верно то, что согласно нынешнему положению вещей Джейн не является невысокой. Также верно, что согласно прошлому положению вещей Джейн невысока. Противоречие избегается, потому что утверждение «Джейн невысокая», которое в обоих случаях относится к одному и тому же индивиду, имеет разное значение истинности в разных частях (настоящей и прошлой) одной и той же общей временной реальности. Подход грамматических времен позволяет избежать противоречия, разделяя реальность, а не субъект²⁴.

Если не можем избежать временных противоречий таким образом, то теория являющегося должна быть способной предоставить сходный способ избегания проблемы противоречивых предикатов. Проблема противоречивых репортажей о Смите в двух газетах (2) заключается в том, что оба издания пытаются рассказать правду о единственной персоне в единственной части реальности. Следовательно, Смит не может быть в один и тот же отрезок времени и виновен, и невиновен. Но предположим, что мы имеем дело с отрывком художественного произведения, а не с документами, претендующими на историческую достоверность в единственной реальности. Тогда Смит может оказаться полностью воплощенным в двух разных вымышленных мирах, или реальностях, — или в двух разных частях одной вымышленной реальности. В таком случае без всякого противоречия может быть истинным то, что согласно одному произведению (в одном из миров) Смит невиновен, а согласно другому (в другом мире) он виновен. Противоречие исчезает в той мере, в которой различимы «миры», или реальности, двух произведений.

Конечно, мы обычно не предполагаем, что «мир» художественного произведения должен быть частью нашей *реальности*. Но модель, применяемая в этом примере и в случае употребления разных грамматических времен, показывает, как теория являющегося может избежать проблемы противоречивых предикатов. Ван Клиф уделяет особое внимание произведениям об одном и том же объекте *O* в ноуменальной и феноменальной реальностях. Этот объект существует сам по себе вне пространственно-временной формы и является нам в этой форме. Он подразумевает, что оба произведения описывают *O* как объект, имеющий место в единственной реальности. Но если это предположение истинно, то сведения об *O* из разных произведений не могут быть одновременно непротиворечиво истинными. Но противоречие исчезает, если мы отказываемся от этого предположения. Допустим, в одном произведении *O* описывается как существующий в ноуменальной реальности R_n , а в другом — как существующий в феноменальной реальности R_p , и обе эти реальности являются отдельными частями общей реальности R , как, например, прошлое и настоящее являются отдельными частями общей временной реальности. Тогда высказывание об *O*, содержащееся во фразе: «Ноуменально *O* не имеет пространственно-временной формы» — семантически считается истинным в R_n . А высказывание об *O*, содержащееся во фразе: «Феноменально *O* имеет пространственно-временные формы» — считается истинным в R_p . Оба эти высказывания в таком случае истинны. И поскольку и R_n , и R_p явля-

---

²⁴ Согласно подходу грамматических времен Джейн не разделяется на две временные формы — настоящую Джейн и прошлую Джейн, одна из которых невысокая, а другая высокая. Разделение Джейн на такие части ведет к идее Льюиса и других авторов о том, что протяженные во времени индивиды являются вечными сущностями, мерологическими суммами временных форм.

ются реальностями, ни одно из этих высказываний не дает неверных сведений об O либо выражает лишь вымысел или иллюзию относительно O ²⁵. Как и в случае с грамматическим временем, мы избегаем противоречия, разделяя реальность, а не субъект.

Хотя мы изложили решение проблемы противоречивых предикатов на современном языке миров и семантических оценок, оно прямо опирается на взгляды самого Канта. К тому же Кант различает реальное эмпирически и реальное ноуменально. Он настаивает на том, что существуют вещи в себе, и все же утверждает, что явления действительно существуют и имеют пространственно-временные свойства, которые приписываются им в процессе познания. Мы знаем и в то же время совсем не знаем дом. И мы знаем, что дом является прямоугольным, а не просто представляется нам прямоугольным. Это не иллюзия и не иной вид ложного высказывания о доме²⁶.

Можно возразить, что такое обращение к R_p в действительности превращает эмпирически реальные объекты в сущности, имеющие тот же онтологический статус, что и полностью вымышленные объекты, такие как Анна Каренина. Тем не менее обратите внимание на кантовские рассуждения в «Опровержении идеализма» о том, почему эмпирические внешние объекты должны рассматриваться как абсолютно реальные, воспринимаемые органами чувств сущности, а не просто как объекты внешнего воображения (*äußere Einbildung*) (B276, сноска). Уже в этом рассуждении указывается, почему эмпирические объекты имеют статус, отличный от воображаемых предметов и вымысла. В отличие от последних, объекты в R_p не свободны от спонтанных проекций воображения. Они воспринимаются органами чувств, стабильны и доступны многим субъектам, что частично обусловлено восприимчивостью нашего внешнего воображения к воздействию вещей в себе в пределах R_n , в ноуменальном мире. Эти утверждения могут быть или могут не быть удовлетворительной основой для состоятельного доказательства «существования предметов в пространстве вне меня» (*das Dasein der Gegenstände im Raum außer mir*) (B275) в «опровержении идеализма». Но если Кант придерживается

²⁵ Сравните трактовку высказываний наподобие: «Согласно "Анне Карениной" то, что Анна умирает, является вымыслом» — в различных семантических оценках художественного дискурса (см. [5, р. 129—177]). Так же, как грамматическое время в высказывании определяет, к какому времени стоит отнести оценку истинности этого высказывания, такие термины, как «ноуменальный», «феноменальный», «эмпирическая реальность» и т. п., определяют, относительно какой части R — R_n или R_p — стоит оценивать истинность высказывания. (Контекст и намерение говорящего определяют, относительно какой части реальности должно оценивать простое высказывание без оператора, как, например, « O прямоуголен».) Высказывание оказывается истинное и в R в целом, только если оно истинно для всех частей R . (Обратите внимание, что схожим образом кроме разделения субъекта и разделения реальности существует и третий способ избегания противоречий — разделение предиката. Утверждение, что объект «имеет пространственно-временную форму (прямоуголен)», не означает того же в двух противоречивых высказываниях об O . Тем не менее такая точка зрения неверна и не является кантовской.)

²⁶ См. сноску 17 и B70, сноска: «Предикаты пространства и времени по праву приписываются предметам чувств как таковым, и в этом нет иллюзии» (*so werden die Prädikate des Raumes und der Zeit mit Recht den Gegenständen der Sinne, als solchen, beigelegt, und hierin ist kein Schein*).

их, то эмпирически реальные объекты в R_p будут отличаться от вымышленных. И это все, что нам нужно, чтобы ответить на вышеизложенные возражения²⁷.

Используя идею разделения реальности, уже изложенную имплицитно в кантовском рассуждении, мы получаем возможность разрешить проблему противоречивых предикатов. Ту же стратегию можно использовать и для решения проблемы ноуменальных пространственно-временных форм, хотя здесь необходимо модифицировать теорию являющегося таким образом, который частично расходится с собственной кантовской версией этой теории.

Как следует из § II, последняя проблема возникает при (i) тождестве пространственно-временного объекта познания и объекта в себе, который представляется познающему согласно теории являющегося, и (ii) том, что состояние знания субъекта познания существует в ноуменальной реальности R_n . Из (i) и (ii) следует, что пространственно-временной объект познания существует в R_n . Мы не можем избежать этого вывода в прочтении Канта с опорой на интенциональные объекты путем отрицания (ii) (например, воспринимая состояние знания как существующее только феноменально), поскольку, как указано выше, состояние знания является в ноуменальном разуме результатом ноуменального процесса синтеза и воздействия объекта, существующего в себе²⁸. Но этого можно избежать путем отрицания (i).

Рассмотрим изображения вымышленного объекта, например единорога, оставив ненадолго вопросы правомерности обращения к подобным сущностям. Единорог, познаваемый посредством этого изображения, не является сущностью, которая также существует («в себе») в физической реальности за пределами изображения, а затем появляется «на» изображении как лошадь с одним рогом. Но единорог обязан физическому бытию, а является чем-то, о чем мы узнаём посредством рассматривания изображения. В этом смысле единорог — это то, что представляется нам посредством изображения. Тем же образом мы можем предположить, что для Канта объект O , существующий в себе, воздействует на разум в себе и (вместе с собственными когнитивными процессами разума) порождает в уме созерцание, отображающее познающему прямоугольный дом. Но этот дом сам не является ноуменальным объектом O , представляющимся субъекту познания в прямоугольной форме посредством созерцаний. Также этот дом не тождественен созерцанию, а является чисто феноменальной сущностью, представляющейся субъекту познания посредством созерцания, так же как единорог представляется «на»

²⁷ Мы согласны с теми, кто утверждает (включая самого Канта), что доказательство в B274 ff. нуждается в дальнейшем обосновании. Здесь мы просто отмечаем, что в свете различий, усматриваемых Кантом между внешними и чисто вымышленными объектами, наше восприятие R_p как части общей реальности R не наделяет элементы R_p статусом чисто вымышленных объектов. См. также A223/B270, A234/B286 и A373—77. Конечно, в отличие от отрезков времени, сущности в R_p онтологически зависимы от сущностей ноуменальной реальности R_n . (Эмпирические объекты зависят от существования познающего их разума.) Но такая онтологическая зависимость не подразумевает нереальность. Боль и мысли зависят от разума, но являются реальными.

²⁸ Для Канта существуют и иные причины для того, чтобы не рассматривать состояние знания как чисто феноменальное. Например, мы познаем наши умственные состояния только в том случае, когда они представляются нашим внутренним чувствам. Но знание умственного состояния достигается посредством внутреннего созерцания (существующего в разуме в себе), представляющего нам умственное состояние. Таким образом, знание (умственного состояния), получаемое посредством внутреннего созерцания, в этом случае вообще не существует феноменально. См. также B158, примечание. То же самое должно распространяться и на другие умственные состояния.

изображении. Поскольку состояние знания субъекта познания существует ноуменально, высказывание «дом прямоугольный» будет истинным в ноуменальной реальности R_n . Но это высказывание не будет истинным для любого объекта, существующего в R_n . Напротив, это высказывание будет истинным в R_n в отношении объекта (дом), существующего только в феноменальной реальности R_p . Проблема ноуменальных пространственно-временных форм, таким образом, разрешается, поскольку пространственно-временной объект познания больше не воспринимается как идентичный объекту в себе²⁹.

Поэтому мы можем разрешить данную проблему в рамках теории являющегося, отождествив объект познания с любым ноуменальным объектом³⁰. Разделяя это тождество, мы модифицируем теорию являющегося самого Канта, которая требует значительных изменений в других его утверждениях. Так что он сам мог не принять этого решения³¹. Но мы не видим друго-

²⁹ Эта ситуация логически идентична возникающей обычно с утверждениями с разными грамматическими временами и с вымышленными утверждениями. Поэтому высказывание «Сократ — учитель Платона» истинно в 2006 г. относительно сущностей, которые существуют не в 2006 г., а только в прошлом. И высказывание «единорог взят в плен» истинно относительно объекта, который представляется «на» изображении, но не существует в физической реальности, где существуем и мы, и изображение.

³⁰ Настоящее решение тождественно решению в «Option (II)» [6, р. 46—52], хотя здесь мы его несколько упрощаем, не ставя условия, что ноуменальный объект O должен сам представляться познающему посредством соответствующего созерцания. Адамс, Д. Перебум и другие делали подобные предположения. См. рецензию Перебума на [6], [8, р. 100—101]. Перебум использует эту трактовку теории явлений, возможно, потому что в ней проводится различие между объектами познания и любыми объектами в себе. Но учитывая, что в этой трактовке объект познания представляется посредством соответствующего созерцания и не тождественен ему, мы рассматриваем ее как особый случай теории явлений.

³¹ См., например, Vxxvii—xxviii, где для кантовской защиты свободы воли крайне важно, чтобы та же воля была причинно обусловлена, представляясь нам и свободной от категорий, существующая в себе. В «Пролегоменах» тождественность важна для Канта, чтобы показать, что его идеализм значительно отличается от идеализма Беркли (см. §13, примечания II и III; §32, примечание; §49; а также Vxxvii относительно объектов, «взятых в двойном смысле» (*in zweierlei Bedeutung*), равно как тексты, подобные A38/B55 и цитируемые в [6, р. 348]). Перебум предполагает, что ничто действительно важное для кантовских идей не опускается при разделении тождества, с чем в связи с изложенным выше мы не согласны. Также можно утверждать, что собственный кантовский взгляд на один тот же объект, существующий в себе и представляющийся посредством созерцаний, может быть соблюден, если мы отделим познаваемый объект от любого объекта в себе. Льюис [12, р. 202] различает протяженное (*endurant*) восприятие изменений (согласно которому один и тот же объект полностью присутствует в разных временах и с разными качествами) от отрезочного (*perdurant*), где только временные части изменяющегося объекта существуют в соответствующие временные отрезки, а сам изменяющийся объект является суммой этих частей. (Почему бы не воспринять кантовскую фразу «один и тот же объект» «отрезочно», просто обозначив сумму объектов в себе и того, что мы называем отдельной сущностью, являющейся прямоугольным домом? Но, конечно же, Кант отклонил бы такое предложение как «жалкую замену» (*ein elender Behelf*) [9, Bd. 5, S. 96]. (Ср. [9, Bd. 5, S. 96] о мягком детерминизме и [9, Bd. 5, S. 95—96] в целом.) Для Канта крайне важно, что та же самая сущность, воля, полностью существующая и обусловленная в R_p , должна также полностью существовать в R_n и быть там свободной. Мы не достигаем настоящей свободы, если феноменальная воля обусловлена, даже если другая сущность — ноуменальная воля — свободна. Кант отреагировал бы схожим образом и на «отрезочное» прочтение своего ответа Беркли. Позиция Канта была бы здесь сродни критике С. Крипке в [10, р. 45] или теории двойников (*countergart*) Льюиса.

го способа в рамках интерпретации с привлечением интенциональных объектов представить теорию являющегося состоятельной. И, как показано выше, эта теория — единственный способ избежать проблему Мура в рамках этой интерпретации. Кроме того, такая модификация теории являющегося позволяет Канту соблюсти основные принципы своего идеализма, например, относительно эмпирической реальности и трансцендентальной идеальности пространства-времени и объектов познания. Кроме того, придерживаясь этой модифицированной версии теории являющегося, Кант может ответить изложенным выше способом на возражения, что мы превратили эмпирически реальные объекты в сущности, онтологически приравненные к чисто вымышленным объектам.

Мы изложили различие между двумя частями реальности R_n и R_f , с целью избежать проблемы противоречивых предикатов. И если мы разделим тождественность объекта познания с объектом в себе, то проблема уже решена. Зачем тогда нам нужно различать R_n и R_f в модифицированной версии теории являющегося? Ответ очевиден. Согласно этой версии само состояние знания существует в ноуменальной реальности R_n . Но она не подразумевает, что пространственно-временной объект познания также существует в R_n . Так что мы должны воспринимать высказывание о нашем знании (knowledge claim) «дом прямоугольный» как истинное в R_n об объекте, который сам не существует в R_n , а только в феноменальной реальности R_f . Поэтому идея, которая, как мы утверждаем, принадлежит самому Канту, о различении R_n и R_f остается крайне важной и в рамках модифицированной теории являющегося.

IV. Заключение

Если изложенное выше рассуждение верно, модифицированная теория являющегося избегает всех трех противоречий в интерпретации кантовского взгляда на объекты познания, изложенных в § II: проблемы Мура, проблемы противоречивых предикатов и проблемы ноуменальных пространственно-временных форм. Это значительный результат, позволяющий надеяться, что кантовские воззрения в трактовке с привлечением интенциональных объектов может избежать и других противоречий. К сожалению, сейчас у нас нет возможности проанализировать и их, и некоторые из них могут все же не разрешиться. Модифицированная теория являющегося в некоторых отношениях близка феноменистическому восприятию трансцендентального идеализма, и возможно, что весомые возражения Чизома и других против феноменизма могут подорвать и нашу модифицированную теорию³². В заключение следует рассмотреть, что же такое разум (или разумь), которым модифицированная теория приписывает соответствующие знания. Дальнейшие вопросы касаются феноменальной реальности R_f . Возможна ли R_f метафизически так, как должна быть возможна действительная реальность? Подвержены ли объекты в R_f критике, подобной утверждению Крипке, что вымышленные сущности не могут быть настоящими, полноценно индивидуали-

³² Интерпретация ван Клива в русле «виртуальных объектов» является формой аналитического феноменизма; в своей рецензии (см. примечание 7) мы утверждаем, что она может быть подвергнута критике, подобной критике Чизома. Неясно, может ли избежать ее модифицированная теория являющегося.

зированными объектами референции? Может ли модифицированная теория избежать других стандартных возражений против интенциональных объектов?³³

Существование дальнейших противоречий предполагает, что модифицированная теория должна быть снова проанализирована, чтобы удостовериться в том, что она может предложить состоятельный взгляд на объекты познания. Но и после этого анализа она может оказаться неудачной. Тем не менее модифицированная теория в настоящем виде показывает, что можно опровергнуть весомые возражения против метафизической трактовки кантовских идей, возражения, которые до сих пор мы считали непререкаемыми. Поскольку эта трактовка, по нашему мнению, ближе к собственным взглядам Канта, изложенным в первой «Критике», чем другие современные интерпретации, этот результат заслуживает внимания.

Список литературы

1. Adams R.M. Things in Themselves // *Philosophy and Phenomenological Research* 57. 1997.
2. Allison H. Kant's Transcendental Idealism. 2d ed. New Havens, 2004.
3. Ameriks K. Interpreting Kant's Critiques. New York, 2003.
4. Cottingham J., Stoothoff R., Murdoch D. The Philosophical Writings of Descartes. Cambridge, 1984. Vol. 2.
5. Howell R. Fictional Objects: How They Are and How They Aren't // *Poetics*. 1979. 8.
6. Howell R. Kant's Transcendental Deduction. Dordrecht, 1992.
7. Howell R. The Conundrum of the Object and Other Problems from Kant // *Kantian Review*. 2004. Vol. 8.
8. *Kantian Review*. 2001. 5.
9. Kants gesammelte Schriften. Berlin, 1968.
10. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, 1980.
11. Langton R. Kantian Humility. New York, 1998.
12. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford, 1986.
13. Prichard H.A. Kant's Theory of Knowledge. Oxford, 1909.
14. *Some Main Problems of Philosophy*. London, 1953.
15. Van Cleve J. Problems from Kant. New York, 1999.

Об авторе

Хауэл Роберт (Robert Howell) — проф. философии Университета штата Нью-Йорк в Олбани, США, bobh@albany.edu.

³³ См. [10, р. 23—24, 156—58]. По-видимому, двояко трактуемые утверждения о роли пространственного расположения в индивидуации позволили бы Канту избежать возражений Крипке (см. A263—64/B319—20, A271—72/B328, A281—82/B338). Но они ведут к дальнейшим противоречиям. Снова R_p становится метафизически невозможной любым обычным образом, если содержание R_p определяется в рамках действительного знания определенного субъекта познания. (Это знание вряд ли может разрешить вопросы о тождественности объектов в R_p , как это было бы в метафизически возможном мире.) Можно отринуть требование стандартной метафизической возможности R_p . Или можно рассмотреть R_p как идеальный или предельный мир, который разум требует интерпретировать как метафизически возможный, поскольку мы его синтезируем. Тем не менее каждый из этих вариантов порождает дальнейшие вопросы. Ван Клив [15, р. 8—12] приводит стандартные возражения против интенциональных объектов.